

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дубаков Л.В., Го В. — Модернизация образа хули-цзин и трансформационный характер реальности в романе В. О. Пелевина «Священная книга оборотня» // Филология: научные исследования. – 2023. – № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.8.40661 EDN: WDQRTX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40661

Модернизация образа хули-цзин и трансформационный характер реальности в романе В. О. Пелевина «Священная книга оборотня»

Дубаков Леонид Викторович

ORCID: 0000-0003-1172-7435

кандидат филологических наук

доцент, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Го Вэньцин

магистрантка, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ Lesliegreycn@outlook.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.8.40661

EDN:

WDQRTX

Дата направления статьи в редакцию:

05-05-2023

Аннотация: В статье осуществляется анализ образа китайской лисы-оборотня, или хули-цзин (кит. 狐狸精), в романе Виктора Пелевина «Священная книга оборотня». Производится сравнение главной героини пелевинского произведения с образами хули-цзин в классических китайских текстах. В центре рассмотрения оказывается номинация героини, её внешний вид, место обитания, способность к оборачиваемости и наведению морока, характер сексуальности, образ жизни. Устанавливается, что образ лисы-оборотня у Пелевина является образом синтетическим, созданным на основе

преимущественно двух культур – китайской и русской. При этом на неё оказали влияние мистическая, религиозная, культурная и литературная китайские традиции. Писатель опирается на составляющие образа хули-цзин, заимствованные из китайских книг, но предлагает расширенный и переосмысленный их вариант. Пелевина интересует прежде всего стремление лисы-оборотня не к телесной, но к духовной трансформации, на пути к которой его героиня, опираясь на восточную философию, изучает принципы работы своего ума. Хули-цзин «Священной книги оборотня» и морок, который она наводит, выступают в качестве метафоры реальности в целом (человека, времени, пространства, языка, внешнего мира и др.). Природа реальности, согласно пелевинскому роману, трансформационна в своей основе, и эта её особенность обусловлена её иллюзорностью. Актуальность статьи определяется высоким интересом отечественного и зарубежного литературоведения к творчеству Виктора Пелевина и к компаративистским исследованиям (в данном случае затрагивающим русскую и китайскую культуры). Новизна работы обусловлена расширением понятия оборотничества в пелевинском романе – от телесной инверсивности главной героини до характеристики различных аспектов реальности.

Ключевые слова:

Виктор Пелевин, лиса-оборотень, хули-цзин, китайская традиция, модернизация, трансформационный характер реальности, остранение, буддизм, сотериология, мистицизм

Лиса-оборотень из романа Виктора Пелевина «Священная книга оборотня» (или «А Хули») (2004) не раз оказывалась в центре внимания литературоведов. Об этом образе писали с точки зрения присутствия в книге мистической составляющей, выявляли наличие в образе пелевинской хули-цзин разнородных культурных отсылок, рассматривали её образ в связи с другими элементами текста. При этом ключевой мотив «А Хули» – мотив оборотничества, он определяет основные смыслы, которые содержатся в образе главной героини и обуславливает специфику художественного мира, созданного в книге.

В «Священной книге оборотня» имеется множество отсылок к классическим китайским текстам. Го Вэй в статье «Лисы-оборотни в китайской литературе и искусстве и в творчестве В. Пелевина» обозначает некоторые из них. Это, например, «Новые записи Ци Се, или О чём не говорил Конфуций» Юань Мэя, «Записки о поисках духов» Гань Бао, «Описание чудесного из кабинета Ляо» Пу Сунлина, «Возвышение в ранг духов» Сюй Чжунлиня, «Путешествие на Запад» У Чэньэня [\[5\]](#). Пелевин заимствует из этих текстов собственно центральный образ лисы-оборотня и отдельные сюжетные элементы и мотивы.

Но пелевинская героиня – это образ, в котором традиция переосмыслена с точки зрения современного культурного контекста, а также буддийской и западной философии. А Хули – одновременно укоренена в прошлом и отражает настоящее время. Писатель предлагает новые обоснования её свойств и способностей и акцентирует внимание на духовном поиске лисы-оборотня как её ключевой интенции. А Хули из «Священной книги оборотня» встаёт в один ряд с многочисленными пелевинскими протагонистами, воплощающими в основе своей буддийский взгляд на реальность и использующими восточные методы достижения духовной трансформации.

У пелевинской лисы-оборотня – омофонное имя («первичная суггестивная команда» [\[9, с. 67\]](#)), что помещает её в две культуры: с одной стороны, оно представляет собой русское обшечное выражение, с другой, по мнению Ли Гэнь, «А (кит. 阿) – уменьшительно-ласкательный префикс, Хули (кит. 狐狸) значит 'лиса', что в сумме обозначает на русском языке 'лисичку'» [\[7, с. 26\]](#). Сама А Хули у Пелевина говорит, что «А» – это её имя [\[9, с. 8\]](#), то есть «А» – это имя собственное. Янь Мэйпин характеризует имя героини как «словесное оборотничество» [\[12, с. 60\]](#).

Помимо момента бикультурности, важно, что имя героини по-русски звучит как вопрос. Этот вопрос может иметь разное значение – например, что? чего? почему? зачем? что толку? а ты как думал? какого чёрта? Как бы то ни было, он в иронической форме сообщает о социальной невстроенности героини и о неопределённости её личности (что в романе найдёт буддийское обоснование). Позже она возьмёт себе псевдоним «Алиса Ли», который будет подходить её «азиатскому личику», «а с другой – как бы намёк: "Алиса Ли?"» [\[9, с. 18\]](#) («намек на ее «неподлинность», мнимую сущность, видимую окружающими, но ошибочно принимаемую за подлинную», и на связь с кэрролловскими образами [\[8, с. 27\]](#)). У сестёр А Хули – И Хули и Е Хули – имена сконструированы подобным же образом, и их судьбы – так же быть чужеродными в той культуре, где они существуют, и не иметь полной уверенности в правильности своей жизни.

А Хули, подобно лисам-оборотням китайской литературы, обладает долголетием или даже бессмертием. Согласно китайской литературе, «чем старше животное (предмет), тем большей силой оно может обладать» [\[1, с. 49\]](#): «Пятидесятилетняя лиса может превратиться в женщину, столетняя может стать красавицей и чародейкой, знающей о том, что происходит за тысячу ли, прекрасно владеет искусством обольщения, морочит человека так, что он теряет разум. Через тысячу лет лисе открываются законы Неба, и она становится Небесной лисой» [цит. по 1, с. 49]. То есть Пелевин начинает повествование об А Хули тогда, когда уже достигла возраста, в котором она может обрести высокий духовный статус.

При этом она внешне практически не меняется: ей на вид четырнадцать лет и она очень привлекательна. В повести «Удивительная встреча в Западном Шу» Ли Сянь-миня лиса-оборотень выглядит так: «Девушка лет, наверное четырнадцати-пятнадцати, медленно прогуливается лotosовыми шажками. На лоб свешивается короткая челочка, лицо сияет как красная орхидея, брови подобные изогнутыми ивовыми листочкам» [цит. по 1, с. 61]. Однако надо обратить внимание, что в зверином состоянии А Хули выглядит старше: « – Какая-то ты облезлая. И на вид тебе можно дать лет триста» [\[9, с. 236\]](#). По её словам, каждые сто восемь лет у лис-оборотней в хвосте появляется по одному серебряному (седому) волосу.

Китайские хули-цзин источают запах мускуса и часто пахнут духами. В «Красавице Цинфэн» Пу Сунлина в доме, где была лиса-оборотень, «стоит запах орхидеи и мускуса» [\[10, с. 22\]](#). В новелле «Лиса наказывает за блуд» [\[10, с. 24\]](#) мускусом пахнет зелье, подложенное лисой в еду. По словам А Хули, «Телу лисы действительно свойствен еле заметный ароматный запах, но люди обыкновенно принимают его за духи» [\[9, с. 172\]](#). Пелевин снимает искусственное акцентирование хули-цзин сексуальности, обозначая простую естественность своей героини.

Но всё же по большей части изменения, что происходят с А Хули, случаются внутри. Причём это не стихийные, а контролируемые изменения. Лисы-оборотни, что «выдают

себя за членов семьи людей» [\[1, с. 57\]](#), создают «рабочую личность», «симулякр души» [\[9, с. 9\]](#) при смене культурной эпохи: «Мы подгоняем себе под личико новое "я", совсем как сшитое по другой моде платье» [\[9, с. 10\]](#). То есть главная инверсия, которую порождает А Хули, это инверсия не внешняя, а внутренняя, которая облегчает ей «мимирию и маскировку» [\[9, с. 10\]](#).

Слово «симулякр» появляется в «Священной книге оборотня» также, когда А Хули характеризует свой половой орган, на месте которого у неё «мешочек-симулякр» [\[9, с. 173\]](#). Симулятивная природа реальности, создаваемая лисой, затрагивает и верх, и низ и, в контексте философских построений книги, проецируется на человека: человеческая личность, по Пелевину, как и телесные проявления, оказываются обусловлены в первую очередь работой сознания. Так же, как «мешочек-симулякр», работает и ум А Хули, который, по её словам, не является настоящим «органом мысли» [\[9, с. 159\]](#): А Хули возвращает услышанное от людей им самим.

А Хули питается энергией ци и зарабатывает деньги проституцией, эксплуатируя свой юный облик, который вызывает «у мужчин сильные и противоречивые чувства» [\[9, с. 10\]](#), или иначе – она «профессионально имперсонировывает девочку пограничного возраста с невинными глазами» [\[9, с. 63\]](#). Этот её облик схож, например, с внешним видом Четвёртой Ху из одноимённой новеллы Пу Сунлина: «Лет этой девушке было только-только достаточно, чтобы уже сделать причёску [то есть 15 лет – прим. Го Вэньцзин]. Она была прекрасна, как лотос, розовеющий в свисающих каплях росы; как цветок абрикоса, увлажнённый легким туманом. Кокетливо и грациозно, еле заметно она улыбалась, и красота ее милого лица хотела как будто выйти за пределы возможного» [\[10, с. 31\]](#).

При этом у А Хули нет пола, так как нет репродуктивной системы. Равно как и сексом с клиентами она не занимается, поскольку ей достаточно наводить на них морок. Интересно, что во время контакта с сикхом, А Хули максимально абстрагирует сексуальное: она читает «Краткую историю времени» Стивена Хокинга про чёрные дыры, которая кажется ей рассказом о космическом сексе, а не о физике. И это не концентрация на сексе, а ощущение секса как в малой степени чего-то именно телесного, ведь А Хули, скорее, связана с волошинскими божественными звёздными пространствами, упомянутыми в эпиграфе [\[9, с. 6\]](#). Помимо прочего, конечно, этот пассаж пронизан иронией.

При этом у А Хули нет пола, так как нет репродуктивной системы. Равно как и сексом с клиентами она не занимается, поскольку ей достаточно наводить на них морок. Интересно, что во время контакта с сикхом, А Хули максимально абстрагирует сексуальное: она читает «Краткую историю времени» Стивена Хокинга про чёрные дыры, которая кажется ей рассказом о космическом сексе, а не о физике. И это не концентрация на сексе, а ощущение секса как в малой степени чего-то именно телесного, ведь А Хули связана с волошинскими божественными звёздными пространствами, упомянутыми в эпиграфе [\[9, с. 6\]](#). Помимо прочего, конечно, этот пассаж пронизан пелевинской иронией.

Вместе с тем, смотрение на реальность сквозь призму сексуального всё же определяет то, как героиня воспринимает, например, городской пейзаж. А Хули о Москве: «Над ними торчало несколько зданий фаллической архитектуры <...> они казались навазелиненными. «Дальше был Кремль, который величественно вздымал к облакам свои

древние елдаки» [\[9, с. 139-140\]](#). Эта метафора напоминает схожий образ, использованный упоминаемым в романе пародийно и всерьёз Алистером Кроули. В эссе «Сердце Святой Руси», описывая храм Василия Блаженного, он пишет: «Далее высокий фаллос, колонна, выполненная в красном и сером тонах, на купол нанесены оранжевые и зелёные полосы, закрученные в спираль; под ним ютится другой фаллос, его купол опоясан плоскими ромбами красного и зелёного цвета» [\[6\]](#). Но там, где Кроули, производит намеренное сакральное «снижение», Пелевин высмеивает претенциозность Москвы и указывает специфику «национального гештальта» [\[9, с. 140\]](#).

Парадоксальна обозначается и мотивация героини «Священной книги оборотня»: занятие проституцией – это то, что пристало добродетельной лисе, в отличие от разнообразного плутовства [Пелевин, с. 39]. Хотя при этом это занятие видится ей немного постыдным, равно как и наблюдение за человеком, который находится во власти её сексуального наваждения. Одновременно с этим А Хули замечает, что наведение морока – это не исключительно её способность, потому что у женщин это получается даже лучше: «Надо же, выдать сделанную из мяса машину для размножения за дивный весенний цветок, достойный драгоценной оправы, – и поддерживать эту иллюзию не минуты, как мы, а годы и десятилетия, и все это без всякого хвостоприкладства» [\[9, с. 91\]](#). То есть в некотором смысле женщины тоже владеют способностью оборотничества, только «женщина руководствуется инстинктом, а лиса разумом» [\[9, с. 108\]](#). Суть морока, наводимого А Хули, заключается в умении реализовывать принцип «красота в глазах смотрящего»: она подстраивает образ женской красоты, который есть в сознании конкретного мужчины, под себя. Но, в отличие от обычных женщин, А Хули способна к вариативности и пластичности в этом процессе.

Местом обитания лис-оборотней в китайской литературе часто оказывается могила или склеп. Одна из причин этого заключалась в том, что хули-цзин считали воплощением души мертвеца или находящейся в связи с миром мёртвых. Например, в новелле «Лис из старой могилы» (V в. н.э.) Тао Юаньмина в могиле на холме обнаруживают старого лиса, читающего книгу с именами тех женщин, что он когда-то соблазнил [\[11, с. 66\]](#). В «Записках о поисках духов» рассказывается, что «в Ханьское время Гуанчуаньский ван любил вскрывать могилы. Он разорил могилу Луань Шу. Все знаки достоинства, украшавшие гроб, перегнили без остатка. Оказалась в склепе только белая лиса» [\[4, с. 358-359\]](#).

А Хули также когда-то, в Китае, жила в могиле: «До приезда в Россию я несколько сотен лет прожила в ханьской могиле недалеко от места, где стоял когда-то город Лоян. В могилке было две просторных камеры, в которых сохранились красивые халаты и рубахи, гусли-юй и флейта, масса всякой посуды» [\[9, с. 292\]](#). Её тайные убежища в России напоминают ей о той китайской «могилке», удалённой от людских жилищ и подходящей «для существа, равнодушного к мирской суете и склонного к уединённым размышлениям» [\[9, с. 291\]](#). В Москве она живёт в подтрибунном помещении, про которое забыли его владельцы благодаря её магии. Михалыч, который впервые видит дом А Хули, снисходительно называет его конурой. Переносное значение этого слова здесь не заслоняет прямого: конура как укрытие для собак вполне подходит и дальней родственнице собак – лисе. Этот её дом так же, как и могила, связан с предлогом «под»: могила – под землёй, её дом – под трибунами стадиона.

Позже А Хули откроет ещё одно своё подземное убежище – «личное бомбоубежище» [\[9,](#)

[с. 285\]](#) или «бункер» [\[9, с. 287\]](#) рядом с Битцевским парком: «Выглядело оно так: в узком овраге из земляной стены выходила бетонная труба диаметром примерно в метр. В нескольких шагах напротив ее края начинался противоположный склон оврага, поэтому заметить трубу сверху было сложно. Под землей она разветвлялась на две небольшие комнатки» [\[9, с. 286\]](#). А Хули упоминает, что там «не было следов жизни» [\[9, с. 287\]](#), имея в виду, что там раньше никто не бывал, но в прямом смысле можно представить её «бункер» как пространство смерти, подобное могиле.

Оба убежища, помимо ориентированности под землю, связаны с определённой энергией – как могилы в мифологии связаны с энергией смерти. Первое обиталище А Хули расположено возле трансформаторной подстанции, «бункер» находится в овраге, заросшем растениями семейства зонтичных, величина которых пугает А Хули, потому что она думает, что это «из-за радиации или химического заражения» [\[9, с. 287\]](#). Интересно, что «растения семейства зонтичных» ассоциативно вызывают в памяти зонты из масляной бумаги, которые обнаруживают китайские знаки в пейзаже возле «бункера». А Хули, одна из главных жизненных встреч которой – встреча с Жёлтым Господином, в Битцевском лесу, обнаружив велосипедный трамплин и скульптурную композицию из брёвен, вспоминает о Жёлтой Горе, на которой располагался его монастырь. Это параллель обусловлена схожим топосом – высокий берег реки (возвышенность); временем (в пределах дня – вечер, с духовной точки зрения – вечность) (брёвна, напоминающие Стоунхендж); чертами конструкции (в Битцевском лесу несколько П-образных ворот, у монастыря – одни большие ворота при отсутствии забора там и там).

Вспоминая свою «уютную китайскую могилку», А Хули замечает, что теперь такую не найти, потому что старые могилы разрушены новой инфраструктурой, а «в современных загробных коммуналках и самим покойникам тесно» [\[9, с. 291\]](#). Сравнение могилы с коммуналкой может быть прочитано и в обратную сторону: советские и российские коммуналки подобны могилам, а люди в них – мертвецам. В этом смысле А Хули, сознательно выбирающая себе (под себя) «норы» под землёй для уединённых размышлений, пребывает даже не в равной позиции с людьми, а в лучшей по сравнению с ними. Лисы-оборотни в Китае связаны с обманом, поэтому характеристики «хавира» от Михалыча и «малина» от Саши Серого, приложенные к её убежищам также оказываются вполне уместны.

В «Священной книге оборотня» соединяются мотивы китайских историй о лисе-оборотне и русские народные сказки о животных. А Хули влюбляется в волка-оборотня Сашу Серого. Интересно, что оборотническая «супрафизическая» трансформация у неё и у него описывается Пелевиным с использованием контрастных образов. Саша Серый становится волком «изнутри – наружу»: он «буквально вывалился наружу из собственного тела» [\[9, с. 129\]](#), «наружу выпрыгнул серый лохматый хвост», «он оброс шерстью» [\[9, с. 160\]](#); «его китель и брюки трансформировались вместе с ним», – А Хули – «снаружи – внутрь»: она сбросила свою одежду и «почувствовала, как сводит вместе пальцы рук» [\[9, с. 228\]](#).

Трансформация с А Хули происходит, когда она охотится на курицу. Китайские хули-цзин могут быть воровками. В новелле «Студент-вор Цзи» рассказывается о лисе, что обкрадывал одну семью, забирая деньги и съестное: «Как-то у Цзи была зажарена курица, которою он собирался потчевать гостей. Вдруг она пропала» [\[10, с. 101\]](#). у Пелевина куриная охота А Хули – это скорее её философское занятие: так она постигает единство всего сущего. Хули-цзин из «Студента-вора Цзи» продолжает красть,

подшучивая над людьми: «Нет надобности приписывать лисе какую-то особенную злонамеренность: ведь студент как будто тянул ее к себе юмористически, ну и она его обработала тоже не без фарса!» [\[10, с. 103\]](#).

Как и у Е. Шварц в цикле стихотворений о Лисе, в «Священной книге оборотня» принцип оборотничества распространяется на разные аспекты реальности, которые наблюдает А Хули или с которыми она соприкасается. Пелевин сравнивает своих героев с другими персонажами, и помимо указания на ситуативное изменение в их характере или поведении, этим он подчёркивает их трансформационную суть. Саша Серый в момент «супрафизической трансформации» «походил на медведя» [\[9, с. 161\]](#); И Хули «по-кошачьи потянулась» [\[9, с. 188\]](#); Михалыч напоминает А Хули «огромную отъевшуюся таксу, которой пересадили волчью шкуру», он же «заржал как жеребец» [\[9, с. 375\]](#); интернет-колумнист – «существо, несколько возвышающееся над лагерной овчаркой» [\[9, с. 257\]](#); люди как бесхвостые обезьяны [\[9, с. 359\]](#); Жёлтый Господин «умный, как лис» [\[9, 2004, с. 347\]](#).

Пелевин также использует фразеологию, иронически её переосмысляя, реализуя и одновременно посредством её создавая мир людей, перекидывающихся животными, или наоборот. Так, бенефициаров российских богатств, «офшорных котов» [\[9, с. 374\]](#) «знает на Рублёвке каждая собака» [\[9, с. 239\]](#); Саша Серый шутит, что раны заживут на нём, как на собаке; А Хули упрекает его, говоря, что рыльце у него в пушку [\[9, с. 315\]](#), в другой раз она использует китайский фразеологизм: «Я думала, ты остроглазый лев, а ты слепая собака» [\[9, с. 355\]](#), который в применении к оборотню звучит двусмысленно. (Н. Г. Бабенко считает, что для романа характерно наличие «вербальных вех» формируемого подтекста «лексико-фразеологических мостиков», перекидываемых от одного сюжетного блока к другому: генерал-лейтенант Саша Серый движется от волка через собаку к чину генерал-полковника [\[2, с. 283-284\]](#).) Писатель также перестраивает русскую поговорку, приближая её к китайскому культурному контексту: «Тигров бояться, в горы не ходить» [\[9, с. 334\]](#).

В целом реальность подобна оборотню: так, например, коттеджи нефтяников похожи на «ряды кур» [\[9, с. 241\]](#), как и выводимая камлающими волками-оборотнями на поверхность в Нефтепригоньевске нефть является остатками/останками древних живых организмов.

Наконец, само пребывание в России требует от А Хули социального оборотничества: «в некоторые моменты я совершенно переставала понимать, кто я на самом деле – гонконгская женщина с русским именем Су или русская лиса с китайским именем А Хули» [\[9, с. 311\]](#). По словам А. Н. Воробьёвой, А Хули оказывается «жертвой всеобщего (тотального) оборотничества» [\[3, с. 94\]](#).

Принцип оборотничества прослеживается также в композиции романа: по словам О. Ю. Осьмухиной и А. А. Супровой, Пелевин, исходя из концепции «взаимооборачиваемости», наличия реального и «обратного миров», «разворачивает» «идею сосуществования разных миров в едином пространственно-временном континууме и продолжить традиционную для него тему возможности/невозможности перехода, т. е. пересечения пространственных и временных границ между этими мирами» [\[8, с. 28\]](#).

Наконец, важной составляющей образа хули-цзин у Пелевина является то, что А Хули – буддистка по своему мировоззрению. Её буддизм – это наследие её китайского

происхождения, впитанной ею китайской литературы и мистицизма, учения, полученного лисой от Жёлтого Господина. Последний ловит А Хули, так же, как, например, буддийский монах в новелле Пу Сунлина «Фея лотоса» изловил лисицу-оборотня [\[10, с. 25\]](#). Сюжет «Священной книги оборотня» посвящён духовному становлению хули-цзин, что реализует свою «радужную природу», и это её последняя и окончательная трансформация.

В романе «Священная книга оборотня» Виктор Пелевин создаёт образ хули-цзин с опорой на многообразную – мистическую, культурную, литературную китайскую традицию. Главная героиня романа по имени А Хули соединяет в себе два магистральных культурных потока – китайский и русский. Это проявляется в её имени, внешнем облике, характере, способе чувствовать и мыслить, выборе места обитания, жизненной философии. Пелевин использует мотивы, связанные с хули-цзин, и предлагает их новые, расширенные, углублённые истолкования, формирует новые коннотации образа, затеняя, но не удаляя прежние [\[2, с. 290-291\]](#), создаёт постмодернистский «авторский неомиф» [\[8, с. 29\]](#). Подлинные, высшие цели и мотивы лисы-оборотня, которая представляет собой остранившегося человека, оказываются не связаны с получением энергии для пропитания. Пелевинская героиня осмысляет собственную природу, то, как работает её ум и как можно реализовать в себе «сверхооборотня». В романе акцентируется внимание на трансформационном характере реальности в целом: хули-цзин – это метафора, которая позволяет охарактеризовать сущность человека, времени, пространства, языка, внешнего мира, иллюзорных в своей глубине, а потому свободно изменяющихся. Лиса-оборотень А Хули осуществляет «внутреннюю алхимию», основанную на положениях восточного сотериологического учения, отвергая при этом все мнимые материальные формы.

Библиография

1. Алимов И. А. Китайский культ лисы // Алимов И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб.: Изд-во «Наука», 2008. 282 с.
2. Бабенко Н. Г. Бестиарий современной прозы в аспекте эксплицитности/имплицитности культурных коннотаций // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов : материалы Международной научной конференции, Калининград – Светлогорск, 15–17 сентября 2005 года. Калининград – Светлогорск: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2006. С. 275-292.
3. Воробьева А. Н. Книжно-культурные трансформации в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 2. С. 93-100.
4. Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Пер. с древнекит., предисл. прим. и словарь-указ. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 569 с.
5. Го Вэй. Лисы-оборотни в китайской литературе и искусстве и в творчестве В. Пелевина // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 341-343.
6. Кроули А. Сердце Святой Руси. URL: http://svitk.ru/004_book_book/2b/457_krouli-serdce_svyatoy_rusi.php (дата обращения 04.05.2023).
7. Ли Гэнь. Китайский подтекст в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Казанская наука. 2021. № 9. С. 23-27.
8. Осьмухина О. Ю., Сипрова А. А. Мифопоэтический контекст романа В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Филологические науки. Вопросы теории и практики.

2017. № 11-2(77). С. 26-30.

9. Пелевин В. О. Священная книга оборотня: Роман. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 384 с.
10. Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном // в переводе В.М. Алексеева. М.: Художественная литература, 1988. 558 с.
11. Путь к заоблачным вратам. Старинная китайская проза / пер. К. Голыгиной и др. М.: Правда, 1989. 608 с.
12. Янь Мэйпин. Мистика в русской литературе XX в.: истоки, традиции и рецепции – анализ произведений Виктора Пелевина // Путь науки. 2019. № 9(67). С. 59-63.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вариант анализа текстов Виктора Пелевина в массе критических источников многообразен. Существуют позиции «за», есть ряд работы оппозиционного характера «против», есть работы и концептуально выработанной оценки, которая дает полновесный срез аспектов художественности этого непростого автора современной литературной прозы. И все же, нужно констатировать, что Виктор Пелевин, не Александр, востребован читателями, критиками, исследователями. Думается, что Виктор Пелевин старается охватить объемный кругозор сюжетных вариантов, в его произведениях, безусловно, доминирует некая иная, другая реальность, которая и привлекает реципиентов. Для В. Пелевина характерна ярко открытая напыщенность, эпатаж, открытой к мировой культуре, истории, литературе. Именно это, на мой взгляд, и играет ведущую роль в романских конструктах, повествовательных формах, рассказах и эссе указанного автора. Рецензируемый текст относится к варианту конструктивного анализа прозы Виктора Пелевина, ибо его текст «Священная книга оборотня» не только работа над чисто формой, но и разверстка / погружение в иное культурологическое пространство, претворение динамики смысла в романной версии, близкой восточной версии. Не случайно автор статьи в начале тезисует, что «в «Священной книге оборотня» имеется множество отсылок к классическим китайским текстам. Го Вэй в статье «Лисы-оборотни в китайской литературе и искусстве и в творчестве В. Пелевина» обозначает некоторые из них. Это, например, «Новые записи Ци Се, или О чём не говорил Конфуций» Юань Мэя, «Записки о поисках духов» Гань Бао, «Описание чудесного из кабинета Ляо» Пу Сунлина, «Возвышение в ранг духов» Сюй Чжунлиня, «Путешествие на Запад» У Чэньэня. Пелевин заимствует из этих текстов собственно центральный образ лисы-оборотня и отдельные сюжетные элементы и мотивы». Вариация оценки одного из противоречивых романов В. Пелевина, на мой взгляд, продуктивна, концептуальна. Текст не прост в дешифровке не только на уровне сюжета, но и в ряде других магистральных уровней литературного произведения. Аналитическая составляющая налична: например, «но пелевинская героиня – это образ, в котором традиция переосмыслена с точки зрения современного культурного контекста, а также буддийской и западной философии. А Хули – одновременно укоренена в прошлом и отражает настоящее время. Писатель предлагает новые обоснования её свойств и способностей и акцентирует внимание на духовном поиске лисы-оборотня как её ключевой интенции. А Хули из «Священной книги оборотня» встаёт в один ряд с многочисленными пелевинскими протагонистами, воплощающими в основе своей буддийский взгляд на реальность и использующими восточные методы достижения духовной трансформации», или «А Хули, подобно лисам-оборотням китайской литературы, обладает долголетием

или даже бессмертием. Согласно китайской литературе, «чем старше животное (предмет), тем большей силой оно может обладать»: «Пятидесятилетняя лиса может превратиться в женщину, столетняя может стать красавицей и чародейкой, знающей о том, что происходит за тысячу ли, прекрасно владеет искусством обольщения, морочит человека так, что он теряет разум. Через тысячу лет лисе открываются законы Неба, и она становится Небесной лисой» [цит. по 1, с. 49]. То есть Пелевин начинает повествование об А Хули тогда, когда уже достигла возраста, в котором она может обрести высокий духовный статус», или «местом обитания лис-оборотней в китайской литературе часто оказывается могила или склеп. Одна из причин этого заключалась в том, что хули-цзин считали воплощением души мертвеца или находящейся в связи с миром мёртвых. Например, в новелле «Лис из старой могилы» (V в. н.э.) Тао Юаньмина в могиле на холме обнаруживают старого лиса, читающего книгу с именами тех женщин, что он когда-то соблазнил. В «Записках о поисках духов» рассказывается, что «в Ханьское время Гуанчуаньский ван любил вскрывать могилы. Он разорил могилу Луань Шу. Все знаки достоинства, украшавшие гроб, перегнили без остатка. Оказалась в склепе только белая лиса» и т.д. Дешифровка текста, следовательно, становится полновесно открытой, не имеющей серьезных фактических нарушений. Тематический вектор работ актуален, новизна заключается в полновесной рецепции ключевого образа, манифестации нового / отчасти и правильно взгляда на сюжетику текста. Работа имеет стреленовой состав организации логики, движение «по ходу текста» оправдано. Стилистая составляющая ориентирована на научный тип: например, это проявляется в следующих фрагментах: «трансформация с А Хули происходит, когда она охотится на курицу. Китайские хули-цзин могут быть воровками. В новелле «Студент-вор Цзи» рассказывается о лисе, что обкрадывал одну семью, забирая деньги и съестное: «Как-то у Цзи была зажарена курица, которою он собирался потчевать гостей. Вдруг она пропала». У Пелевина куриная охота А Хули – это скорее её философское занятие: так она постигает единство всего сущего. Хули-цзин из «Студента-вора Цзи» продолжает красть, подшучивая над людьми: «Нет надобности приписывать лисе какую-то особенную злонамеренность: ведь студент как будто тянул ее к себе юмористически, ну и она его обработала тоже не без фарса!», или «Пелевин также использует фразеологию, иронически её переосмысляя, реализуя и одновременно посредством её создавая мир людей, перекидывающихся животными, или наоборот. Так, бенефициаров российских богатств, «офшорных котов» «знает на Рублёвке каждая собака»; Саша Серый шутит, что раны заживут на нём, как на собаке; А Хули упрекает его, говоря, что рыльце у него в пушку, в другой раз она использует китайский фразеологизм: «Я думала, ты остроглазый лев, а ты слепая собака», который в применении к оборотню звучит двусмысленно» и т.д. Тема работы соотносится с одним из рубрикаторов журнала, следовательно, противоречий в данном случае нет. Формальный ценз выдержан, требования учтены, особой правки не требуется. Итогом звучит вполне правомерный тезис, что «в романе «Священная книга оборотня» Виктор Пелевин создаёт образ хули-цзин с опорой на многообразную – мистическую, культурную, литературную китайскую традицию. Главная героиня романа по имени А Хули соединяет в себе два магистральных культурных потока – китайский и русский. Это проявляется в её имени, внешнем облике, характере, способе чувствовать и мыслить, выборе места обитания, жизненной философии. Пелевин использует мотивы, связанные с хули-цзин, и предлагает их новые, расширенные, углублённые истолкования, формирует новые коннотации образа, затеняя, но не удаляя прежние, создаёт постмодернистский «авторский неомиф». Работа логически завершена, концепция автора объективна выражена, самое важное, что диалога с потенциально заинтересованным читателем сформирован. Список источников достаточен, он включает работы альтернативного и классического толка. Практическая

оправданность материала подтверждена, импульсно текст можно использовать при написании работ смежной направленности. Рекомендую статью «Модернизация образа хули-цзин и трансформационный характер реальности в романе В. О. Пелевина «Священная книга оборотня» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».